

МЕЛИССА МОРАН

ИЗНАНКА НЕБА

Мелисса Моран

Изнанка неба

<https://litres.ru/74385448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приквел к роману «Полярная ночь»

Она родилась с даром, который люди называют проклятием.

Бриджит — бесцветная. Её мать говорила, что это дар, но люди боятся того, чего не понимают. Бриджит тоже боится — стать изгоем, потерять единственного близкого человека — младшего брата Маттиаса.

Когда родители умирают, дети попадают в приют «Северный маяк». Здесь, чтобы выжить, нужно быть хищником. Бриджит делает выбор: она отказывается от дара нойды и становится сильной. Той, кого боятся. Той, кто не даст себя сломать.

Она поднимается по иерархии, создаёт систему страха и насилия — чтобы защитить брата, чтобы выжить самой. Но каждый её шаг отдаляет её от себя. И когда в приюте появляется маленькая белая девочка, которая не борется и не ломается, Бриджит видит в ней отражение. И ненавидит её за это.

«Изнанка неба» — история о том, как страх превращает человека в монстра, а любовь к близким становится оправданием для жестокости.

Содержание

Акт 1. Северный ветер	4
Глава 1. Снег помнит	4
Глава 2. Легенды	9
Глава 3. Нойда	13
Глава 4. Северное сияние	20
Глава 5. Мать	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мелисса Моран

Изнанка неба

Акт 1. Северный ветер

Глава 1. Снег помнит

Зимой в деревне Стурхейм не наступает темноты.

Здесь всегда светло. Просто ночью небо серое — тяжёлое, как олово, похоже на изнанку неба. А днём — белое, с редкими зелёными прожилками северного сияния. Дети в деревне не боятся его. Они называют его «танцующим светом» и бегают смотреть на него, пока матери не загоняют их обратно в дома.

Но те, кто прожил здесь дольше, знают: свет не танцует. Он дышит. Он пульсирует в такт чему-то древнему, что спит под вечной мерзлотой. И иногда, когда ветер стихает и тишина становится слишком глубокой, можно услышать, как он говорит. Не словами — чем-то другим. Чем-то, что не нужно переводить на язык людей.

Бриджит смотрит на это свечение каждую ночь. В свои десять лет она уже знает: северное сияние — не украшение неба. Это что-то живое. Что-то, что смотрит в ответ.

Она не может спать, когда отец не спит. А отец не спит почти всегда.

В их доме нет тишины. Есть дыхание отца — тяжёлое, прерывистое, как у раненого зверя. Есть его шаги — он ходит из угла в угол, когда думает, что все спят. Есть скрип половиц, которые помнят его походку лучше, чем он сам.

Бриджит лежит на печи, прижав к себе Маттиаса. Ему семь. Он спит — ровно, спокойно, по-детски. Его дыхание тёплое, его рука сжимает край её рубашки. Он всегда так спит. Даже во сне он ищет её.

Она смотрит на его волосы. Не белые, нет — такие же, как у неё. Бесцветные. Пепельные. Волосы, которые невозможно назвать ни светлыми, ни тёмными. Они выпвели, как будто их коснулся тот же свет, что пульсирует в небе по ночам. Как будто в них не осталось жизни. Только память о чём-то, чего не должно быть.

Такие волосы были у матери — когда-то. Теперь её воло-

сы посерели, стали тусклыми, как пепел. Она не смотрит на себя в зеркало. Она вообще не смотрит ни на что — только в стену, когда думает, что никто не видит.

Бриджит не знает, когда это началось. Когда мать перестала улыбаться. Когда отец перестал говорить. Когда дом стал не домом, а клеткой.

Но она помнит, как однажды, несколько лет назад, она спросила мать: «Почему у нас такие волосы? Почему они такие... никакие?»

Мать посмотрела на неё — пусто, тяжело, как будто не видела. И сказала:

«Это проклятие. Я родила вас в год, когда небо заболело. В год, когда северное сияние спустилось на землю и коснулось меня. Вы — дети света. Но свет не всегда добрый».

Бриджит не поняла тогда. Она не понимает и сейчас.

Но она запомнила слова. И она знает: их бесцветные волосы — это не просто цвет. Это знак. Это то, что делает их другими. И это то, за что их не любят.

Она закрывает глаза и слушает, как отец ходит по комнате.

Остановился у окна. Смотрит на северное сияние. Молчит.

Бриджит знает: он не спит. Он стоит и смотрит, и ждёт. Чего — она не знает. Но она чувствует его страх — он разливается по комнате, как холодный туман.

Потом он говорит. Тихо. Так тихо, что она едва слышит.

«Они не мои. Бесцветные, как призраки. Я пришёл с войны, а она родила мне чужих детей. Что я сделал не так? Почему боги наказали меня?»

Мать молчит. Она всегда молчит.

Бриджит сжимает Маттиаса крепче. Она не плачет. Она не дышит. Она просто лежит и слушает, как отец шепчет свои вопросы в пустоту.

Наутро она встаёт раньше всех.

Она идёт к колодцу, разбивает лёд, набирает воду. Руки краснеют от холода, но она не чувствует. Она привыкла.

На обратном пути она слышит шёпот за спиной. Соседи всегда шёпчутся, когда она проходит мимо.

«Смотри, — говорят они. — Бесцветная. Как призрак».

«Её мать родила её в год, когда небо заболело. Она — проклятая».

«И брат у неё такой же. Бесцветный. Как мертвец».

Бриджит не оборачивается. Она не отвечает. Она просто идёт.

Но она запоминает каждое слово. Каждый взгляд. Каждое движение руки, когда кто-то крестится при виде её волос.

Глава 2. Легенды

Зимними вечерами, когда ветер завывал за стеной и снег засыпал окна, мать садилась у печи и рассказывала им легенды.

Бриджит помнила эти вечера лучше всего. Не потому что они были счастливыми — потому что в них мать оживала. Её голос становился глубже, глаза загорались, и она переставала быть той серой тенью, которая двигалась по дому, не оставляя следов.

«Садитесь ближе, — говорила она. — Я расскажу вам о том, что было до нас».

Маттиас забирался к ней на колени. Бриджит садилась у ног, прислонившись спиной к тёплой печи. В доме пахло хлебом и дымом. За окном — только тьма и снег.

«Вы знаете, почему северное сияние такое разное? — спрашивала мать. — Зелёное, красное, фиолетовое?»

«Потому что оно красивое!» — говорил Маттиас.

«Нет, — качала головой мать. — Потому что это кровь. Кровь древних зверей, которые сражались в небе, когда мир был молодым. Они были огромными — больше гор, больше облаков. Их шерсть была белой, как снег, а глаза — синими, как лёд. Они жили на краю земли, где небо встречается с землёй, и охраняли границу между мирами».

«Что за граница?» — спрашивала Бриджит.

«Граница между тем, что мы видим, и тем, что от нас скрыто, — говорила мать. — Между жизнью и смертью. Между людьми и теми, кто был до людей. Там, за Ведьминым деревом, мир становится тоньше. И если зайти слишком далеко, можно не вернуться».

Маттиас прижимался к ней ближе.

«А медведи? — спрашивал он. — Белые медведи — они тоже из тех, кто был до людей?»

Мать улыбалась.

«Говорят, что белые медведи были людьми — гордыми, сильными, которые не хотели подчиняться законам мира. Они ушли в тундру и стали зверьми. Их шерсть — это память о снеге, который они видели до того, как ушли. Их гла-

за — это память о том, что они потеряли. И иногда, если посмотреть в глаза белому медведю, можно увидеть там человека».

Бриджит смотрела на мать. На её волосы — когда-то бесцветные, а теперь серые, как пепел.

«А мы? — спросила она. — Мы — люди? Или те, кто перешёл границу?»

Мать замолкала. Долго смотрела на огонь. Потом говорила:

«Наши волосы — это память. О том, что мы не совсем люди. Мы — дети тех, кто жил на краю земли и видел то, что нельзя увидеть. Это не проклятие. Это дар. Но люди боятся дара. Они боятся того, чего не понимают».

Она брала Бриджит за руку.

«Ты видишь то, чего не видят другие. Ты чувствуешь то, чего не чувствуют они. Это сила. Но ты должна научиться скрывать её. Потому что если люди узнают, что ты особенная — они будут бояться тебя. А те, кто боятся, могут быть жестокими».

Бриджит смотрела на свои руки. На бледную кожу. На свои бесцветные волосы.

«Я не хочу быть особенной, — говорила она. — Я хочу быть как все».

«Ты никогда не будешь как все, — говорила мать. — Но ты можешь быть сильной. Сильнее, чем они. И тогда они не посмеют тронуть тебя».

Она замолкала и снова смотрела на огонь.

Глава 3. Нойда

В деревне Стурхейм все знают друг друга.

Здесь нельзя спрятаться — ни от взглядов, ни от слухов, ни от памяти. Здесь каждый дом знает, что случилось в соседнем, и каждый человек помнит то, что другие хотели бы забыть.

Бриджит знает это. Поэтому она всегда смотрит в землю, когда проходит мимо людей. Поэтому она старается быть невидимой. Поэтому она тащит Маттиаса за руку, чтобы он не отставал и не привлекал внимания.

Но Маттиас — маленький. Он не умеет быть невидимым. Он смотрит на мир широко открытыми глазами, и мир смотрит на него в ответ.

«Бриджит, а почему мы не играем с другими детьми?» — спрашивает он.

«Потому что мы играем друг с другом», — отвечает она.

«А почему мы не ходим в школу?»

«Потому что мама учит нас дома».

«А почему соседи смотрят на нас так странно?»

Бриджит останавливается. Она поворачивается к нему и смотрит прямо в глаза.

«Маттиас, — говорит она. — Просто не задавай вопросов. Хорошо?»

Он смотрит на неё своими светло-голубыми глазами. Он не понимает, но он кивает. Потому что он доверяет ей.

Они идут дальше.

Дорога ведёт к старому дому на краю деревни. Он стоит чуть поодаль от остальных, как будто его специально отодвинули, чтобы не касаться. Крыша обвалилась с одной стороны, стены почернели от времени, но дым из трубы идёт — значит, внутри кто-то есть.

Бриджит никогда не подходила к этому дому близко. Мать запрещала. Отец, когда был в хорошем настроении, говорил: «Не ходи туда. Там живёт та, кто видит слишком много».

Но сегодня ей нужно туда.

Мать заболела. Сильнее, чем обычно. Она кашляет уже неделю, и кашель стал глубоким, влажным, как будто в груди что-то разрывается. Отец ушёл на охоту два дня назад и не вернулся. Соседи говорят: «Подождём. Он сильный. Он справится».

Но Бриджит не верит соседям.

Она верит только тому, что видит сама. А она видит: мать слабеет с каждым днём, и никто не приходит помочь.

«Жди меня здесь», — говорит она Маттиасу и сажает его на пень у дороги. «Я скоро вернусь».

«Куда ты идёшь?» — спрашивает он.

«К той, кто может помочь».

Она идёт к старому дому.

Но сначала она видит, как к нойде приходит другая женщина — с больным ребёнком. Нойда лечит ребёнка травами, поёт древнюю песню, и ребёнок перестаёт плакать. Женщина благодарит, но быстро уходит, не оглядываясь — как буд-

то боится остаться.

Бриджит видит это и понимает: нойда помогает, но люди всё равно боятся её. Её сила — это её проклятие.

И в этот момент Бриджит чувствует странный толчок внутри. Не страх — что-то другое. Тяга. Ей хочется подойти ближе. Заговорить. Спросить. Понять.

Она сжимает кулаки и заставляет себя остаться на месте.

«Я не такая, — говорит она себе. — Я не хочу быть такой».

Но ноги не слушаются. Они сами несут её к двери.

Когда она заходит, нойда сидит у печи и не оборачивается.

«Я знала, что ты придёшь, — говорит она. Голос низкий, шершавый, как кора старого дерева.

Бриджит не знает, что сказать. Она стоит у порога и молчит.

«Ты видела, как я помогаю им, — говорит нойда. — Но они всё равно боятся меня. И ты будешь бояться. Не потому что я злая, а потому что я другая».

«Я не боюсь», — говорит Бриджит. Но она знает: это неправда.

«Ты боишься, — говорит нойда. — Ты боишься, что станешь такой, как я. Ты боишься, что люди будут бояться тебя. Ты боишься того, что внутри тебя. Это нормально. Я тоже боялась».

Она поворачивается. Её глаза — белые, слепые, но они смотрят прямо на Бриджит.

«Но я вижу в тебе то, что ты сама не хочешь видеть. Ты — не просто девочка с бесцветными волосами. Ты — та, кто чувствует тундру. Ты — та, кто слышит, о чём говорит северное сияние. Ты отрицаешь это. Ты боишься. Но это не изменит того, кто ты есть».

Бриджит сжимает кулаки.

«Я не хочу быть такой. Я не хочу быть как ты».

«Ты уже такая, — говорит нойда. — Вопрос не в том, будешь ли ты такой. Вопрос в том, что ты сделаешь с этим знанием. Ты можешь бороться с этим. Ты можешь отрицать. Ты можешь стать той, кто делает больно другим, чтобы не чув-

ствовать свою боль. Или ты можешь принять. И стать той, кто видит. Но путь будет трудным. И я не знаю, сможешь ли ты пройти его».

Она качает головой.

«Я вижу твоё будущее. Ты не хочешь знать, что я вижу. Я скажу только одно: ты можешь изменить его. Если захочешь. Но для этого тебе придётся перестать бояться быть собой».

Бриджит отступает на шаг.

«Ты врёшь. Ты не можешь видеть будущее».

«Я вижу только то, что уже есть, — говорит нойда. — Твоя тень. Твой страх. Твоя сила. И твой выбор. Ты можешь стать той, кто разрушает. Или той, кто исцеляет. Но ты не можешь остаться никем. Ты слишком сильна для этого».

Бриджит хочет убежать. Хочет забыть эти слова. Но она знает: они останутся с ней навсегда.

«Твоя мать умирает, — говорит нойда. — Я не могу помочь ей. Никто не может. Но ты можешь быть рядом. Ты можешь сказать ей, что справишься. И тогда она сможет уйти спокойно».

Она протягивает Бриджит маленький мешочек с травами.

«Дай ей это. Скажи, что это от меня. Она вспомнит, что я говорила ей когда-то. И она поймёт».

Бриджит берёт мешочек. Он тёплый, как будто его только что держали у печи.

«Спасибо», — говорит она.

«Не благодари, — старуха качает головой. — Мы ещё встретимся. Ты вернёшься сюда. Не сейчас. Но когда-нибудь. И тогда ты поймёшь, что я не просто так сказала тебе всё это».

Глава 4. Северное сияние

Она пошла к реке за водой.

Отец так и не вернулся, мать все ещё лежала больная, Маттиас спал. В доме нечем было топить печь, и Бриджит знала: если она не принесёт воду, они не выживут. Это было просто. Она делала это каждый день.

Но в тот день что-то было иначе.

Когда она вышла из дома, небо было другим. Северное сияние пульсировало так ярко, что снег под ногами казался зелёным. Оно не танцевало — оно дышало. Медленно. Тяжело. Как живое существо.

Бриджит остановилась. Она чувствовала, как свет касается её кожи. Не больно — странно. Как будто кто-то смотрел на неё с высоты.

«Это просто свет», — сказала она себе. — «Просто северное сияние».

Но она знала, что это неправда.

Она пошла к реке. Лёд был чёрным, гладким, как зеркало. Она опустила ведро в прорубь, зачерпнула воду. И замерла.

В отражении она увидела не своё лицо. Лицо старухи. Нойды. Её глаза были белыми, слепыми, но они смотрели прямо на Бриджит. Она улыбалась — тихо, беззвучно, как будто знала что-то, чего Бриджит не знала.

«Это не ты», — прошептала Бриджит. — «Это просто тень. Просто свет».

Она отшатнулась. Ведро упало. Вода разлилась по льду.

Она побежала домой. Не оглядываясь. Не дыша.

Вечером, когда мать очнулась от сна, Бриджит села рядом с ней и спросила:

«Что значит, когда свет касается тебя?»

Мать посмотрела на неё. В её глазах — страх. Настоящий страх.

«Это значит, что тебя видят, — сказала она. — Не ты видишь свет, а он видит тебя. Ты — та, кого ждут. И если ты

не будешь осторожна — они придут за тобой».

«Кто — они?»

«Те, кто был до нас. Те, кто живёт там, за Ведьминым деревом. Они выбирают тех, кто может их видеть. И они ждут».

Мать отвернулась к стене и больше не говорила ни слова.

Глава 5. Мать

Дома пахнет болезнью.

Бриджит открывает дверь, и этот запах ударяет в лицо — влажный, тяжёлый, как туман. Мать лежит на кровати, укрытая старым одеялом. Её лицо серое, глаза закрыты, дыхание — прерывистое, с хрипом.

Бриджит подходит к ней. Садится на край кровати. Кладёт руку на лоб матери — горячий, как печь.

«Мама, — шепчет она. — Я принесла тебе лекарство».

Мать не открывает глаз. Но её рука — слабая, тонкая — находит руку Бриджит и сжимает её.

«Ты ходила к ней, — говорит мать. Голос — шёпот, почти не слышный. — К нойде».

«Да».

«Она сказала тебе?»

«Что?»

«Что я ухожу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.